

Журнал журналов [Zhurnal zhurnalov]. No. 3 [1906]

Sankt-Peterburg: N.P. Malinovskii, [1906]

<https://digital.library.wisc.edu/1711.dl/E6TC2EPLWKXZL83>

<http://rightsstatements.org/vocab/NoC-US/1.0/>

The libraries provide public access to a wide range of material, including online exhibits, digitized collections, archival finding aids, our catalog, online articles, and a growing range of materials in many media.

When possible, we provide rights information in catalog records, finding aids, and other metadata that accompanies collections or items. However, it is always the user's obligation to evaluate copyright and rights issues in light of their own use.

Цѣна Юкоп.

Proc. M.H.M.

ДОВЕЗЕТЬ-ЛИ ?...

О т ъ р е д а к ц і и.

Рукописи и рисунки для „Журнала Журналовъ“ должны быть съ обозначеніемъ желаемого гонорара и за подписью автора. При неисполненіи перваго условія — размѣръ гонорара опредѣляется Редакціею. Возвратъ рукописей для Редакціи необязателенъ. Рисунки — возвращаются безусловно.

ПѢСНИ ОРЛА.

Въ тѣсной клѣткѣ золоченой
Изнывалъ орелъ могучій,
Умиралъ... и, умирая,
Разразился пѣней жгучей.
Въ этой пѣсни бурныхъ звукахъ,
Въ этихъ звукахъ—отразилось,
Все, что въ сердцѣ накупѣло,
И на волю запросилось...
Въ этой пѣснѣ слышны были
И мотивъ святой молитвы,
И страданіе, и счастье,
Тишь покоя, буря битвы.
Въ этой пѣснѣ разносилась
Вѣсть о томъ, что люди братья,
Въ ней друзья—благословлялись,
Въ ней врагамъ—неслись проклятья...
Пѣснѣ царственной внимая,
Все притихло и, молчало..
Сколько горя въ этой пѣснѣ,
Сколько ужаса звучало!

* * *

Умирая, орелъ, пѣлъ о томъ, что давно
Въ этомъ мірѣ забыли о братской любви...
Пѣлъ о томъ, какъ все лжи и обмана полно
И какъ правда священная тонетъ въ крови,
Пѣлъ, какъ льется она, эта братская кровь,
Орошая знамена безстрашныхъ вождей,
Орошая знамена свободы жрецовъ
Полагающихъ души во имя идей...
И кипучія слезы, какъ волны, дрожа,
Прерывали горячую пѣсню орла
Но и полная слезъ хворота и свѣжа
И величья полна эта пѣсня была.

* * *

Проклятье крови, цѣпямъ проклятье
Проклятья ужасъ—вождямъ насилья,
Согласный натискъ, еще усилье,
И мы свободны, свободны, братья!
Неситесь пѣсни туда, къ народу,
Скорѣе, пѣсни,—у васъ есть крылья,
Ему скажите „—долой насилья,
Нельзя насильемъ купить свободу“.

* * *

Въ тѣсной клѣткѣ, на заперѣ
Царь пернатый умираетъ...
Въ тѣсной, сумрачной темницѣ
Жизнь поэта догораетъ...
О, когда-бъ свободу крыльямъ,
Полетѣлъ бы онъ къ народу,
Спѣлъ бы много новыхъ пѣсень
Про желанную свободу,
Разсказалъ бы, какъ глубоко,
Какъ ужасно заблужденъе,
Будто въ морѣ братской крови
Есть маякъ освобожденъя,
Будто путь къ завѣтной цѣли
Могъ лежать черезъ насилья...
Эхъ! Да много разсказалъ-бы,
Если-бъ только снова крылья!...

* * *

Гей, тюремщики, скорѣе
Настежь тюрьмы, прочь охраны
И залѣчить—уврачуешь
Русь свои святыя раны.

Новая вѣра.

„Соціализмъ — мое евангеліе, и я не отрѣжусь отъ него ни за какія блага въ мірѣ“, — сказалъ недавно русскій рабочій. И этому удивляться не приходится, ибо въ соціологическихъ построеніяхъ вождей новаго ученія соціализма, проводится міровоззрѣніе захватывающаго интереса. Соціализмъ охватываетъ собою всю жизнь человѣка: и государство, и общество, и семью, науку и искусство, религію и мораль, политику внѣшнюю и внутреннюю; онъ объемлетъ собой всечеловѣческое общеніе и на все даетъ отвѣтъ, свой особый отвѣтъ, радостный для всѣхъ пригнетенныхъ и обиженныхъ и угрожающій для всѣхъ угнетателей. Ученіе это по замыслу своему прямо гениально и по конечнымъ своимъ цѣлямъ вполне совпадаетъ съ природнымъ стремленіемъ человѣка жить на землѣ такъ же вольно, какъ чувствуетъ себя птица въ воздухѣ. Никакое человѣческое ученіе въ мірѣ не претендовало на такую прогрессивную роль, какъ соціализмъ. Послѣ того, какъ христіанскія церкви „огосударствились“ и „обуржуазились“, принявъ подъ свою защиту интересы „господствующихъ“ классовъ, массы бѣдныхъ, естественно, охладѣли къ официальному христіанству. Когда же затѣмъ развившаяся до небывалыхъ размѣровъ фабрично-заводская промышленность образовала многочисленный классъ рабочаго пролетаріата, измѣнивъ душу и тѣло рабочаго люда, когда въ грубыхъ тискахъ капиталистическаго производства наивная вѣра простолюдина въ сверхчувственный міръ была потеряна, — тогда церковная хоругвь перестала быть для пролетаріата знаменемъ провозглашенной христіанствомъ свободы и равенства. Въ это время выступилъ соціализмъ и на знамени своемъ начерталъ призывъ Основателя христіанства: „Придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и Я успокою Васъ“. И массы рабочаго пролетаріата пошли за новымъ знаменемъ, ибо о матеріализовавшемся рабочимъ теперь болѣе былъ понятенъ обшанный имъ соціализмомъ рай земной, чѣмъ царство небесное христіанства. Какъ нѣкогда Иванъ Грозный сказалъ монахамъ: „возьмите себѣ царство небесное, а мнѣ отдайте монастырскія земли“, — такъ теперь пролетаріи отвратились отъ царства небеснаго, желая земного рая. Провозгласивъ себя единственно правымъ ученіемъ жизни, соціализмъ всѣми силами

обрушился на существующій капиталистическій строй и съ поразительною ясностью раскрылъ предъ массами рабочихъ всѣ язвы этого строя, весь гнетъ его, всю ложь и фальшь творямаго имъ рабства жизни, — и тѣмъ оправдалъ и обосновалъ бушевавшую съ сердцахъ пролетаріевъ ненависть къ этому строю. Въ то же время, рабовладельческому существующему строю соціализмъ противопоставилъ свой будущій строй свободной общественной жизни. Праздности кучки богачей и изнурительному труду рабочей массы стараго порядка онъ противопоставилъ трудъ всѣхъ, но легкій и пріятный, соотвѣтствующій склонностямъ и способностямъ каждаго. Сосредоточенію цѣнностей въ рукахъ немногихъ соціализмъ противопоставилъ справедливое и равное распредѣленіе этихъ цѣнностей между всѣми; онъ обществилъ капиталы, орудія производства, земельное и всякое имущество, для равнаго всѣхъ пользованія и наслажденія. „Анархическому“ (безпорядочному) производству товара, ненормальному товарообмѣну и слѣпому распредѣленію рабочихъ силъ соціализмъ противопоставилъ правомѣрное производство товара, цѣлесообразное распредѣленіе работъ и эксплуатаціи земныхъ богатствъ. Науку, искусство, технику и всѣ полезныя открытія и изобрѣтенія, соціализмъ подчинилъ пользамъ и наслажденію всего народа, а не выгодамъ и пріятности отдѣльныхъ капиталистовъ. Международной враждѣ и грозному изнуряющему народы милитаризму соціализмъ противопоставилъ взаимное братство народовъ и полезный для всѣхъ товарообмѣнъ и трудъ. Нужно было обладать исключительнымъ воображеніемъ, чтобы перестроить всю человѣческую жизнь на совершенно новыхъ основаніяхъ, и вожди соціализма поражаютъ богатствомъ своей фантазіи. Оттого ученіе ихъ раскрыто такъ полно, а рисуемый ими соціалистическій міръ такъ заманчивъ. И бѣдному пролетаріату, чѣмъ болѣе онъ угнетенъ жестокой дѣйствительностью, тѣмъ охотнѣе желается вѣрить, что проповѣданное апостолами соціализма непременно сбудется. Имъ, пролетаріямъ, это нужно, какъ воздухъ, какъ свѣтъ, какъ вода. И они вѣрятъ, что время такое настаетъ, и чѣмъ несчастнѣе пролетарій, тѣмъ фанатичнѣе вѣра его въ соціализмъ и близкое наступленіе царства его. Эта новая вѣра захватываетъ все

большіе круги людей и въ будущемъ, несомнѣнно, послѣдователи социализма все больше будутъ увеличиваться, апеллируя къ обществу, государству и церкви о неотложномъ введеніи реформъ на широкой демократической основѣ и съ возвращеніемъ къ духу истиннаго христіанства. Социализмъ, въ абсолютной чистотѣ его культа, въ его выпрессанной, идейной границѣ — чистая религія, достойная стать рядомъ съ религіею христіанства. Но если завѣты Богочеловѣка вылились въ формы крайняго разнообразія, если въ практикѣ христіанскаго культа оказались рядомъ чистый аскетизмъ, святое подвижничество и скопчество и хлыстовство, — то религія социализма разбѣлась на части еще болѣе рѣзко различныя. Рядомъ съ социализмомъ абсолютной идеи, существуетъ социализмъ безпощадной практики. О социализмѣ близкомъ намъ, о социализмѣ русскомъ — наше дальнѣйшее слово.

И. З-нъ.

Редакція.

Къ свѣдѣнію авто- ровъ.

Редакція „Журналъ-Журналовъ“ можетъ использовать лишь такія произведенія, каковыя представляютъ дѣйствительный художественный и литературный интересъ. Возникшая въ послѣднее время тенденція — считать достоинствъ произведенія въ его... развязности, выходящей за предѣлы, при полномъ, подчасъ, отсутствіи содержанія и безграмотной формѣ — эта тенденція редакціею Журнала-Журналовъ отнюдь не раздѣляется. Сатирѣ назначено одно изъ первыхъ мѣстъ въ нашей программѣ, но лишь сатирѣ художественной. Все сказанное относится и къ рисункамъ.

Редакція проситъ поэтому гг. авторовъ, наводящихъ ея портфель произведеніями, бывшими только на безшабашную резвяность, не беспокоится дальнѣйшею присылкою своихъ трудовъ. Рисунки же и произведенія дѣйствительно художественныя, встрѣять всегда радужный пріемъ на страницахъ Журнала Журналовъ.

Утесъ и Волна.

(Фантазія).

Къ сѣдому утесу, что къ морю спускался,
Волна голубая ласкалась...
И съ каждой зарею, чуть день занимался,
О камень холодный плескалась.
Суровый, — на ласки утесъ не сдавался,
Не грѣлъ его юности пламень
И предъ голубою волной оставался
Холодный, безчувственный камень.
Съ обидой на сердцѣ, волна голубая
Далеко отхлынула въ море
И въ бурномъ разгулѣ съ вѣтрами летая,
Глушила глубокое горе...
Волну голубую вѣтры закалили
И въ нѣжную, теплую влагу,
Просившую ласки, — отнынѣ вселили
Безумный порывъ и отвагу.
И, съ этой отвагой, волна голубая
Къ сѣдому утесу вернулась
И въ страстномъ порывѣ всѣ силы сбирая,
О камень холодный плеснулась...
И чудо, великое чудо свершилось —
Дивится весь міръ, изумленный:
— Не хрупкая влага о камень разбилась —
Упалъ великанъ пораженный.

И волны, бушуя, одна на другую,
Свободой гордясь, набѣгаютъ...
И про старый утесъ, да волну голубую
Красивыя пѣсни слагаютъ.

Гр. Е.

Схѣзурочка.

(Сказка).

Въ нѣкоторомъ царствѣ, нѣкоторомъ Государствѣ, конечно не томъ въ которомъ мы живемъ, жили-были дѣдъ да баба. Жили они себѣ поживали, себѣ же и добра наживали, а до другихъ имъ и дѣла никакого не было. Хорошіе были люди.

И имена у нихъ тоже хорошія были: дѣдку Премьеромъ звали, а бабка Дурнушкой прозывалась... Прекрасно.

Только одно вотъ незадалось дѣдкѣ да бабкѣ: дѣтей у нихъ не было... Скучно дѣдкѣ, скучно бабкѣ. А тутъ еще и скотина въ хлѣвахъ рычитъ, блеетъ, мычитъ... Надоѣло-молъ на васъ, старыхъ хрычей, смотрѣть. Подавайте-молъ намъ молоденькихъ да хорошенькихъ... Тоже и скоты, а понимаютъ... Думалъ дѣдъ, думала баба... Что дѣлать?... Тоже вѣдь дитя изъ пальца не высосешь... А нужно...

Оно, конечно, если постараться, — кто его знаетъ. У Сарры вонъ у библейской на сотомъ году Исаакъ родился... Только и страшно вѣдь очень; вдругъ да дитя-то въ свои руки старикомъ заберетъ, по своему домомъ веатѣтъ станетъ, скотину кормами изсадуетъ?... Кто ихъ, молодыхъ-то, знаетъ... Страшно. Баба-Дурнушка ужъ и голоду было повѣсила. Крышка дескать нашему брату вышла...

Ну а у дѣдки лобъ крѣпкій... Обмозговалъ съ все это дѣло, засмѣялся таково весело, да и говоритъ бабѣ:

„Поцѣлуй, говоритъ, баба меня въ любимое мѣстечко... Я тебѣ, говоритъ, чудо скажу“...

Всполохнулась баба: „какое такое чудо“?..

А такое, дѣдъ отвѣчаетъ, что и дитя у насъ будетъ, и скоты наши ублагодарятся и отъ насъ съ тобой не убудетъ... Пойдетъ опять все по прежнему: тишь да гладь, да... своя рука гладыка...

„Да какъ это такъ? — баба спрашиваетъ... — Оченно просто! — дѣдъ отвѣчаетъ: „мы съ тобой“ дитя [это самое изъ какого ни есть матеріалу сработаемъ... Жди-пожди [когда [еще кто догадается, что не живое...]

„Ловко придумано, — одобрила баба, — только вотъ изъ чего именно мы эту самую дитю слѣпимъ?“

Опять задача...

Думали, думали... Трудная штука.

Изъ правды слѣпить — чудесное дитя выйдетъ. Да только гдѣ ее взять правду-то эту? Ни дѣдка, ни бабка ея [не имѣли: ни къ чему она, только глаза колетъ...]

Изъ чести вылѣпить — тоже красиво... Только скотинка-то эту честь хорошо знаетъ... Не обманешь.

Изъ законовъ склеить?... Изъ любви?... Изъ доблести?... Изъ равенства?... Изъ свободы?..

Дѣдка только хихикалъ, перебирая эти матеріалы. А баба, — та даже зубами поскрипывала...

Не гоже!..

А и крѣпки-жъ мозги у дѣдки: — опять нашелся. „Что я тебѣ баба скажу“ — говоритъ... Давай-ка мы съ тобой дитя-то изъ снѣгу сдѣлаемъ... Понимаешь?..

Бабка только ахнула. И ну оба на дворъ, и ну оба снѣгъ сгребать да ухлопывать... Творчествомъ занялись...

Красивую штуку вылѣпили.

Полюбовались, сами да и скотинкѣ показывають; вотъ, молъ, вамъ то, чего просили...

Нравится-ли, молъ?..

„Ничего себѣ, отвѣчаютъ, а только вотъ отчего это холодно такъ... Бр-ррр... Прямо духъ захватываетъ... Адскій холодъ...]

А дѣлать да баба смѣются:

Это говорятъ, для того, чтобы дитя здравствовало... Ему безъ такого холода нельзя... — Растаетъ...]

И все больше, да больше холода напускають...

Бр ррр! Адски холодно.

Гамаюнъ.

Иди!..

Я помню недавнія встрѣчи
При трепетномъ свѣтѣ луны...
Когда твои пылкія рѣчи
Такъ были любовью полны!
Теперь же... гроза разразилась,
Ты слышишь, какъ море ревѣтъ?..
Оставь же меня, мой любимый, —
Тебя эта буря зоветъ.

Забудь моихъ роскошь объятій
И, съ вѣрой въ себя и судьбу,
За нашихъ страдающихъ братій
Иди на святую борьбу.

Твой другъ о тебѣ не забудетъ,
На сердцѣ тоску затая
И вмѣсто любви моей, будетъ
Съ тобою — молитва моя.

Иди-же! — Гроза разразилась...
Ты слышишь, какъ море реветъ?..
Иди-же, иди, мой любимый, —
Тебя эта буря зоветъ.

Кн. О. III.

КОСТИНЪ

КТО ПОБЪДИТЪ ВЪ НЕРАВНОМЪ СПОРЪ?...

КЪ ВОСПРЕЩЕНІЮ ВСЯКИХЪ СБОРИЩЪ.

Городовой:— Особое, говоришь, совѣщаніе?..... Сказано—никакихъ собраній!.....

Страхишки забытой лирики.

Разбитая мечта,

Ты сошла съ своего пьедестала,
Растоптала свой пышный вѣнецъ,
Изъ мечты — очевидностью стала
И... пришелъ моимъ грезамъ конецъ.

* *

Да! Онѣ, мои дивныя грезы
Слишкомъ были чисты для земли...
И, недавно роскошныя, розы!
Увядаютъ печально въ пыли.

* *

Какъ недавно, съ душой умиленной,
Я, надъ ними склонясь, трепеталъ
И, какъ мальчикъ, впервые влюбленный,
Какомъ то блаженствѣ мечталъ..

* *

Боже мой! — Мнѣ не хочется вѣрить,
Что то былъ лишь прекрасный туманъ
И что ты, ты могла лицемѣрить
И что прошлое — только обманъ!...

* *

Но... не жди отъ меня сожалѣнья!
— За разбитую грезу мою,
На душѣ моей только презрѣнье,
Я на вѣки къ тебѣ затаю.

* *

И — до гроба его не забуду,
И, въ грядущіе жизни года,
Я любить, можетъ, пламенный буду,
Презирать-же сильнѣй — никогда.

Григорій Е.

Любовь Титаховъ.

(Сказка).

Гдѣ это было, когда? — Не все-ли равно?

Они любили другъ друга...

Молодая, роскошная красавица, она была возвеличена жизнью.
Жизнь избрала ее, когда ей нужна была спора, когда океанъ
бурно кипѣлъ и когда не было маяка, который, какъ путеводная
звѣзда, свѣтилъ изнемогающему пловцу, спасалъ бы его отъ гибели...

Жизнь выбрала ее...

Жизнь сказала ей: Ты-лучшее, что сейчасъ есть у меня. Ты
молода, Ты почти дитя еще. Но Ты вырастешь, возмужаешь, станешь
роскошной, статной красавицей, распустятся у Тебя могучія крылья
и тогда... Жизнь не договаривала, что будутъ тогда...

Но чувствовалось, но ясно было, что это „тогда“ — будетъ вели-
кое, свято, необъятное... Въ этомъ „тогда“ — грезилось общее счастье,
общая работа, общая радость... Въ этомъ „тогда“ — блескъ огоекъ,
путеводный, волшебный свѣтъ, свѣтъ истины.

Такъ говорила Жизнь своей счастливой избранницѣ...

Она-же полная юношескаго пыла, вся замная отъ отхватившаго
ее восторга, хмурясь и пѣжась подъ ласками Жизни, подняла свѣ-
точъ съ завитую искрой и также сказала:

Да, будетъ время!.. Я вырасту, возмужаю... У меня распустятся
сильныя крылья и тогда... тогда!..

И въ этомъ „тогда“ — была такая же вѣра, какъ въ словахъ Жизни...

И избранница Жизни — ее звали Династія, — высоко подняла
свѣточъ со свѣтомъ правды и истины И стала она путеводнымъ
маякомъ для всего живущаго...

И стала она могучею царицей...

Такъ возвеличилась избранница Жизни...

У Жизни былъ и еще избранникъ...

Ему былъ указанъ другой путь... Не путь, усыянный розамъ, —
но путь, полный терній... Трудный суровый путь... Путь упорнаго
труда, путь самоизученія, самопознанія, самосовершенствованія...

Таковъ былъ путь второго избранника Жизни...

Онъ назывался — Народомъ...

Труденъ былъ путь, назначенный Народу. Бѣдность, болѣзни,
голодь, война, всего приходилось испытать ему, многострадальному...

Но онъ былъ молодъ...

Онъ былъ могучъ, такъ могучъ, что сокрушить его моги, не
смогли ни голодь, ни моръ, ни войны...

Онъ шелъ, твердо шелъ по трудному, суровому пути... Когда
ему становилось неважно, когда силы уже готовы были его оста-
вить, вдругъ въ его душу вливалась живая струя облегченія:

Онъ вспомнилъ о Династіи...

Онъ ее... любилъ.

Онъ шелъ своимъ торнымъ путемъ и думалъ о ней и вѣрилъ:
„Она не забыла меня, она ждетъ меня... Мы еще будемъ
счастливы“...

И все шелъ... Впередъ и впередъ.

А Династія?..

Она жила въ своемъ роскошномъ дворцѣ... Она не забыла люби-
маго Народа, но ея сердце было полно горечью...

Она не могла съ нимъ встрѣчаться...

Она — царица — не была свободна. Надъ нею была опека... Старая,
ехидная женщина, которую звали — Бюрократія...

Она обманывала царицу... Она говорила ей, что не нужно уве-
личивать огня въ путеводномъ свѣточѣ, что достаточно свѣта въ
маякѣ, что Народъ можетъ найти ее, царицу, и по этому свѣтильнику...

И Династія грустно повиновалась... Она смиряла въ душѣ своей
страстное желаніе зажечь яркое яркое пламя въ своемъ свѣтильникѣ...
Такое яркое пламя, чтобы свѣтъ его озарилъ чуднымъ, животворя-
щимъ свѣтомъ путь Народа...

Иногда, когда такое желаніе властно, слишкомъ властно захва-
тывало волю Династіи, злобная вѣдьма Бюрократія, боясь за свою
змѣиную шкуру, пугала бѣдную царицу ужасными призраками...

„Народъ измѣнилъ Тебѣ“ — говорила она, злобно ухмыляясь... —
Онъ увлекся теперь развратницею изъ блудницъ, — Революціею“...

И бѣдная Династія уходила въ себя, замыкалась въ себѣ и
снова царила надъ всѣмъ старая, злая Бюрократія...

Но Народъ, этотъ могучій Титанъ — не забылъ Династіи...

Революція, — эта блудница, — напрасно старалась увлечь его сво-
ими прелестями...

Онъ шелъ, шелъ, шелъ... Все впередъ и впередъ...

„Я найду ее“, — думалъ Титанъ — „Она будетъ моею и, когда мы
соединимся вмѣстѣ, — будетъ счастье“...

И онъ шелъ...

Бюрократія дрожала при одной мысли, что будетъ время, когда
Народъ дойдетъ до Династіи... Она чуяла своимъ дьявольскимъ ню-
хомъ, что тогда ей, за ея предательскія услуги, не миновать казни...

И вотъ, на пути Народа, и безъ того уже трудномъ, появлялись
ужасныя препятствія, — плодъ ухищренія злобной старухи...

Страшныя препятствія:

Вотъ на встрѣчу народу — цѣлый полкъ чудовищъ, съ метлой
въ рукахъ, съ собачьей головой и сѣдлами... Дикія звѣрскія пытки чи-
нять они надъ Народомъ... Кровь течетъ изъ ранъ страдальца, но
онъ неустанно стремится впередъ...

„Я дойду до Династіи“ — мечтаетъ онъ, — и тогда — будетъ
счастье!..

Миновала опричнина...

Вотъ цѣлый рядъ хитрыхъ орудій казней и пытокъ... Всѣ орудія
испытываются надъ несчастнымъ Народомъ... Опять кровь и кровь...
Опять ужасъ смерти, но Народъ все стремится впередъ къ своей
любѣ...

„Я найду ее, тогда будетъ счастье!“

Вотъ арсеналъ капкановъ и ловушекъ... Все, что только можно,
собрапо здѣсь, чтобы прикрѣпить къ землѣ тѣло гиганта — Народа...

Долго, долго задержался Народъ здѣсь, но... вспомнилъ онъ про
свою надежду и стряхнулъ ловушки и капканы, и снова — въ [путь
трудный, кровавый, полный горя и страданій путь...

„Я найду ее, — все еще мечтаетъ онъ, — и тогда — будетъ счастье!“

Вотъ адская машина стянула ротъ Народа... Ничего сказать не
можетъ несчастный... Не можетъ онъ могучимъ взглядомъ позвать
къ себѣ свою мечту, свою любовь — Династію...

Могучія попытки, нечеловѣческое — титаническое усиліе — и осла-
блены чуть-чуть адскія пути, стягивающія ротъ влюбленного Титана.
Ослаблены мало, очень мало, но изъ могучей груди уже вынесся
глубокий вздохъ, а за нимъ слабый еще, но уже слышный крикъ:

„Гдѣ ты, моя любовь, моя вѣра, моя надежда?“

„Династія, гдѣ ты?“

„Помнишь ли Ты твоего возлюбленного, Твой вѣрный Народъ?“

„Смотри же! — Онъ здѣсь, онъ ищетъ Тебя, онъ зоветъ Тебя!“

„Онъ хочетъ прижать Тебя къ своему могучему сердцу, хочетъ
заласкать, забавлять Тебя на груди своей... Хочетъ, чтобы между
нимъ и Тобою, былъ только одинъ Богъ!..

„Отзовись же, о Династія! Отгони отъ себя злую сплетницу и
клеветницу, старую вѣдьму Бюрократію! Твой Народъ ждетъ Тебя...
Ни тебѣ, ни ему не нужна опека!“

И Династія услышала мощный голосъ своего возлюбленного...
Отъ тяжкаго сна воспрянула тоскующая красавица...

Она открыла страдальцу-Народу свои ласкающія объятія. Она
зажгла самый яркій огонь въ своемъ свѣточѣ и по этому свѣту и
Народъ нашелъ свою любовь...

Радостно, потрясающе, было это свиданье!

Сердца любящихъ величій-слились вмѣстѣ...

Вмѣстѣ слились и тѣла, слились въ жаркомъ объятіи...

Династія и народъ — стали женой и мужемъ...

И первый залогъ ихъ любви, первый залогъ ихъ счастья, — пер-
вымъ ихъ ребенкомъ — была Свобода!

Дай Богъ побольше потомства союзу этихъ влюбленныхъ!

Я выносивъ въ сердцѣ моемъ эту сказку, она мнѣ родная... Ее
разсказала мнѣ темная ночь сѣверной зимы, подъ шумъ вихря, подъ
пѣсни вьюги... Она, эта сказка, наивна, какъ дитя... О, я не спорю,
не спорю... Но она за то и чиста, чиста чистотою ребенка... Безпо-

щадная практика жизни можетъ демонически расхотаться этой мечтѣ, назвать ее химерой, утопией... И... можетъ быть, — увы! за ней будетъ справедливость... Но если найдется сердце, которое не дрогнетъ въ бессознательномъ порывѣ, слушая сказку вьюги, — значитъ въ этомъ сердцѣ нѣтъ ни капли русской крови...

Но... Когда же... Когда?..

Князь Серебрянный.

Часть компилятивная.

АРІЯ РЕДАКТОРА.

Передъ судеб. разбирательствомъ Ор. 129).

Куда, куда вы удалились,
Товарищи моей весны?
Одни — въ тюрьму переселились,
Другими — деньги внесены.

Что судъ грядущій намъ готовитъ?
Его мой взоръ напрасно ловитъ.
Въ судебной мглѣ таится онъ.
Нѣтъ нужды: правъ или нѣтъ законъ?

Сраженъ ли я — подъ стражу взятый,
Въ тюрьмѣ влачащій житіе —
Статьею сто двадцать девятой,
Иль гибну по иной статьѣ —
Отсюда изъ „пріюта нѣги“
Мнѣ путь одинъ — въ свѣга Пинеги.

Завтра купятъ двѣ столицы
Лишь „Время Новое“ и „День“.
А я съ газетой — я темницы
Сойду въ таинственную сѣнь,
И судопроизводства Лета
Поглотитъ насъ съ тобой, газета,
И опечатаютъ листы...
Читатель мой, придеши ли ты
На свѣжій холмъ литературный —
Сказать: вниманій въ массѣ дѣлѣ
Изъ за меня въ тюрьмѣ сидѣлъ
Онъ на разсвѣтѣ жизни бурной.
Читатель мой, въ такіе дни
Добромъ Кобеку помяни!
«Молотъ» *Вой-Котъ.*

9 Янв. 1905 г.

Съ душой безоблачной и ясной,
Съ открытымъ взоромъ, грудь впе-
редь —
Съ надеждой пламенной и страстной —
Онъ шелъ — доверчивый народъ.
Ступая твердо и спокойно,
Онъ къ высшей правдѣ путь держалъ,
И шелъ торжественно и стройно
И чистымъ сердцемъ уповалъ,
Вдругъ залп... другой... смятеніе,
Грохочутъ ружья... вновь и вновь...
И свищутъ пули, блещутъ пики,
Несутся стоны, льется кровь...

Народъ, какъ громомъ пораженный,
Въ оцѣпененіи стоялъ,
И — братской кровью обгащенный —
Съ тѣхъ поръ онъ вѣрить пересталъ.

„Волш. фон.“

К. Р.

Изъ шуточного посланія (къ Жуковскому).

Въ этомъ посланіи (Пушкина) предлагается помянуть.

Трехъ Матренъ
Да Луку съ Петромъ;
Двухъ Дурново — военного и штат-
скаго.

Да Иоанна Кронштадтскаго.
Во имя отца и сына —
Помянуть Лобѣдоносцева Констан-
тина.

А если этого мало,
Еще помянуть Клейгельса гене-
рала.

Нельзя обойти и графа Игнатьева.
Хотя и боязно къ ночи помянуть
его

Помянуть еще Трепова, коменданта
дворцоваго,

Душителя и вѣшителя образцоваго,
Стесселя, что умѣетъ сдавать крѣ-
пости.

Тихо, мирно, безъ всякой свирѣ-
пости;

Куропаткина, проигравшаго всѣ
сраженія

Безъ малѣйшаго для себя униже-
нія,

Но сберегшаго для себя два съ
лишнимъ милліона.

Незабыть тутъ кстати генерала Ска-
лона.

Помянуть канувшаго въ Леду Гла-
зова

И внезапно возникшаго Дубасова,
Но на семь послѣднемъ надобно
остановиться:

Такой герой, что нельзя на него
надивиться.

Невозможно помянуть всякую ка-
налю...

Ахъ, чуть не забылъ Грингмута
Карла — Амалию!

Да коли случай есть, помянуть уже
за одно

Кіевскую сирену съ Лысой горы
— Пихно

И его товарища по ремеслу — Кру-
шевана,

Такъ сказать почетнаго хулигана.
И чтобъ помянуть уже всѣхъ сы-
новъ Эдема —

Не забудемъ Нейгарта да барона
Медема.

Само собою, и Витте — всѣхъ рус-
скихъ свободѣ хозяина.

Ну, теперь всѣ... Ахъ, забыли по-
мянуть Каина!

И Шмакова еще — Московскаго па-
тріота,

Да еще Іуду Искаріота.
„Волш. Фон.“ *К. Р.*

Лѣсной царь.

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ;
Обнявъ, его держитъ и грѣетъ старикъ.
— Дитя! что ты робко прильнулъ такъ ко мнѣ.
— Я кукишъ замѣтилъ большой въ сторонѣ,
Обмазанъ онъ масломъ, на видъ не простой!
— О нѣтъ! То свобода взопла надъ страной.
Родимый, мнѣ страшно! Я вижу людей,
Собралися вмѣстѣ... Смотри: у дверей
Какъ будто казаки! Родимый! Тамъ бьютъ!
— О, нѣтъ! То свободу собраній даютъ.
— Родимый! мнѣ страшно! вонъ тамъ все поютъ,
И въ воду младенцевъ насильно суютъ!
Идутъ хороводомъ купели вокругъ...
— Свободу ты совѣсти видишь, мой другъ!
Родимый, мнѣ страшно! вонъ тамъ за кустомъ
Я вижу какъ будто бы арестный домъ...
Тамъ воры, должно быть, сидятъ много лѣтъ...
— О, нѣтъ! То редакторы вольныхъ газетъ.
— Родимый мнѣ страшно! вонъ чья-то рука
Все шарить въ карманѣ вокругъ кошелька;
За горло схватила, и больно мнѣ такъ...
— О, нѣтъ! милый сынъ, то патрульный казакъ.
Ѣздокъ оробѣлый не скачетъ — летитъ,
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ, кричитъ.
Ѣздокъ погоняетъ, Ѣздокъ доскакалъ —
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.

„Паяцъ“.

Истинно-русскіе люди. Не истинно-русскіе люди.

(Герои и спасатели Россіи).

(Враги и разрушители Россіи).

Трепофъ, Витте, Адлербергъ,
Фредериксъ и Штапельбергъ,
Плеве, Кутлеръ, Газенкамфъ,
Рейнбофъ, Витгефъ, Ренненкамфъ,
Ниродъ, Каульбарсъ, Ламздорфъ,
Бильдерлингъ и Мейендорфъ,
Клейгельсъ, Унтербергеръ, Эллеръ,
Нолькенъ, Валь, Раабенъ, Келлеръ,
Стессель, Гессе, Лейхтенбергъ,
Остенъ-Сакенъ, Гриппенбергъ,
Два Нейдгарта, Энгельгардтъ,
Зальца, Ольденбургъ, Бельгардъ,
Кноррингъ, Вогакъ, Сталь, Фуллонъ,
Васмундъ, Фрезе и Скалонъ,
Рехбергъ, Нольце, Рихтеръ, Иессенъ,
Нессельроде, Грессеръ, Эссенъ,
Мандерштернъ, Буксгевденъ, Бергъ,
Редигеръ и Клингенбергъ,
Гильденбадъ, Турау, Корфъ,
Веймарнъ, Роопъ, Бенкендорфъ,
Энквистъ, Герардъ, Грингмутъ,
Ливенъ,
Ностицъ, Николай, Стивенъ,
Менгденъ, Будбергъ, Плеске, Фокъ,
Врангель, Флугъ, Капнистъ, Стен-
бокъ...

и т. до безконечности...

Не „истинно русский“

Ив. Ив. Ивановъ.

Рылѣвъ, Чернышевскій, Огаревъ,
Перовская, Засуличъ, Рысаковъ,
Сазоновъ и Каляевъ, Балмашевъ,
Бестужевъ-Рюминъ, Каховскій, Лав-
ровъ,
Карповичъ, князь Крапоткинъ, Пет-
рашевскій,
Лопатинъ и Чичеринъ, Ковалев-
скій,
Шаховскій, Плехановъ и Апостоль-
Муравьевъ,
Петрункевичъ, Милуковъ,
Волконскій, Долгоруковъ, Трубец-
кіе,
Набоковъ, Щепкинъ, Родичевъ, Тол-
стые,
Львовъ, Тимирязевъ, Головинъ, Фро-
ленко,
Шалыпинъ, Чириковъ и Короленко,
Мельшинъ, и напоследокъ: инозе-
мецъ
Петровъ Григорій — всѣмъ извѣст-
ный нѣмецъ.
Иностранецъ Ив. Ив. Ивановъ.

(Сторонникъ „свободительнаго движенія“).

«Од. Нов.»

Отв. Редакторъ Н. П. Малиновскій.

За Издателя Н. П. Малиновскій.

„ЖУРНАЛЪ-ЖУРНАЛОВЪ“

Роскошно-иллюстрированный. въ 4 краски, выходитъ еже-
недѣльно, въ объемѣ 8—16 стр. in quarto. Программа-лите-
ратурная и художественная юллюстрація всего выдающагося
въ общественной и политической жизни. Богатый оригиналь-
ный отдѣлъ. Собствен. худож. и каррикатуристы. **Обзоръ и**
выдержки всего выдающагося изъ сатирич. и др. газ. и журн.
Цѣны: на годъ 3 р., 6 м. 1 р. 75 к., 3 м. 1 р. Отд. №№ 10 коп.

Кромѣ Гл. Конт. принимаютъ подписку контора Метцль и кіоски Пташникова.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

въ „Журналъ-Журналовъ“ принимаются по цѣнѣ: за 1 стра-
ницу 130 руб. $\frac{1}{2}$ стр. 70 руб. $\frac{1}{4}$ стр. 35 руб. За строку 50 коп.
Оптомъ большіе %.

Содержаніе № 3-го.

- 1). „Довезешь-ли?“ — соб. худ. Мими.
- 2). „Пѣсни Орла“ — стих. Орликъ.
- 3). „Новая вѣра“ — И. З — на.
- 4). „Утѣсь и Волна“ — стим. Гр. Е.
- 5). „Снѣгурочка“ — сказка Гамаюна.
- 6). „Иди!“ — стих. кн. О. III.
- 7). „Кто побѣдитъ?“ — соб. худ. Костылева.
- 8). „Послѣдній арестъ“ — соб. худ. Костылева.
- 9). „Страничка лирики“ — стих. Григорія Е.
- 10). „Любовь Титановъ“ — сказка Кн. Серебрянный.
- 11). „Часть Компильтивная“.
- 12). „Объявленія“.

Въ началѣ
1905 года.

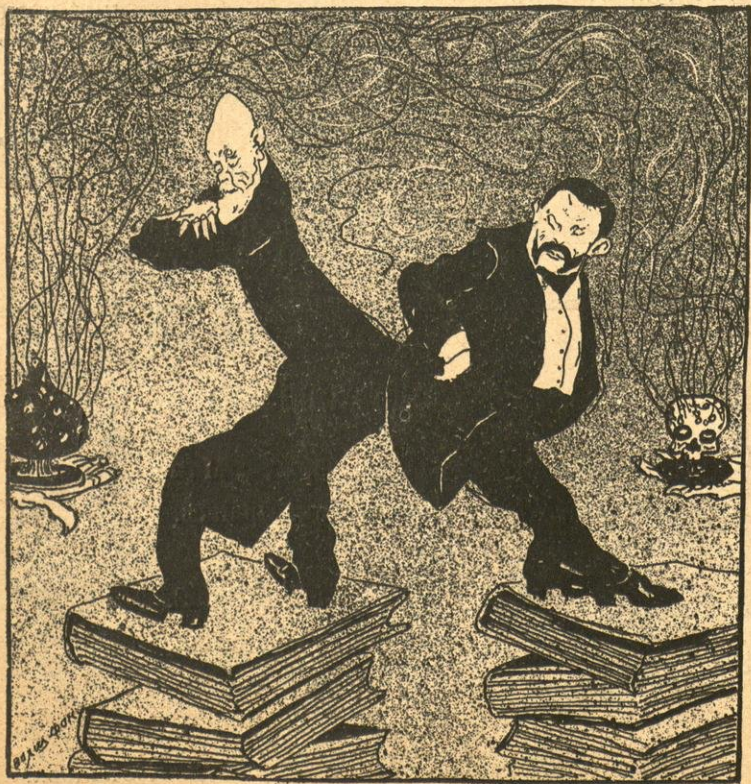

— Вставай, подымайся, рабочій народъ!

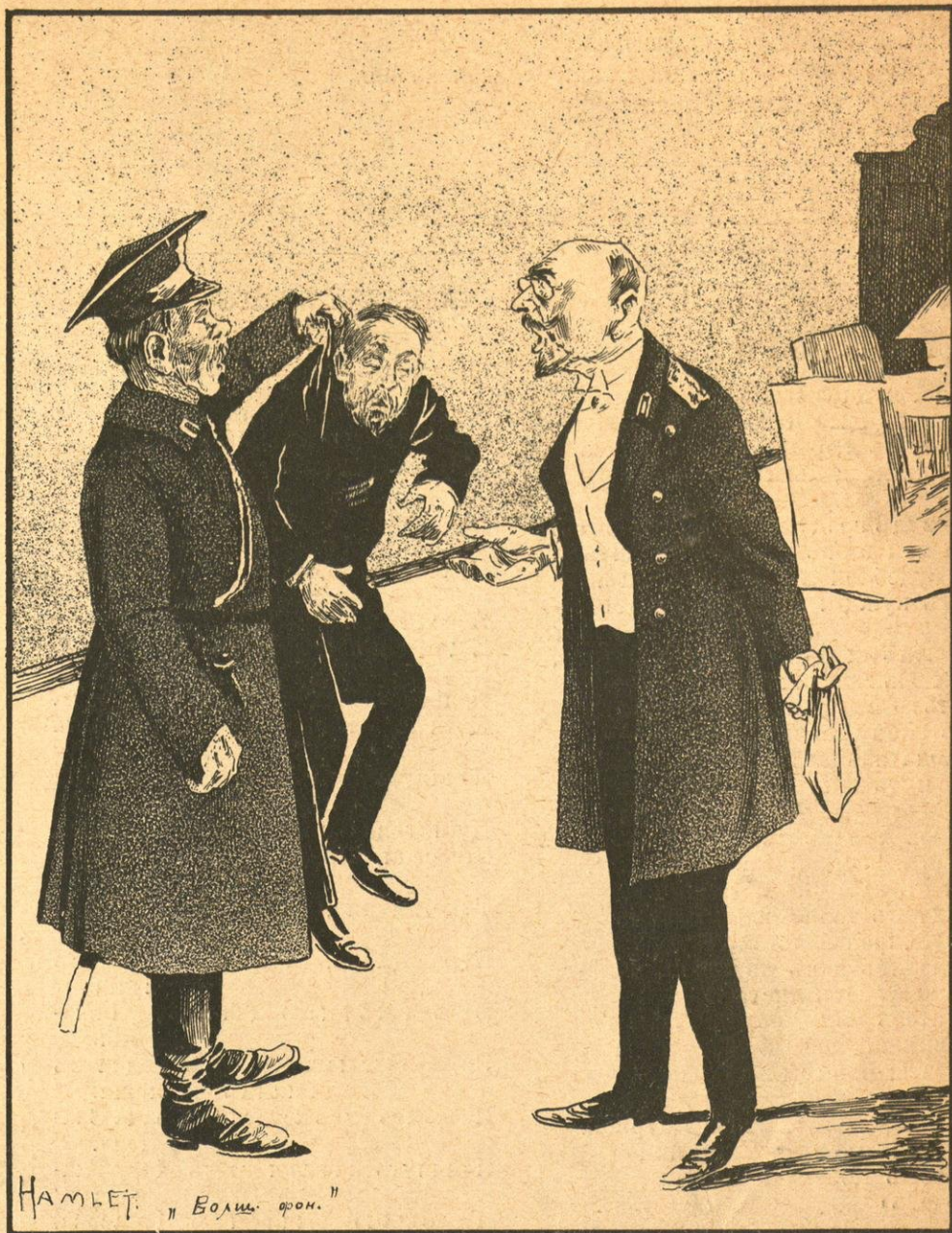
Въ началѣ
1906 года.

— Вставай, подымайся, рабочій народъ!

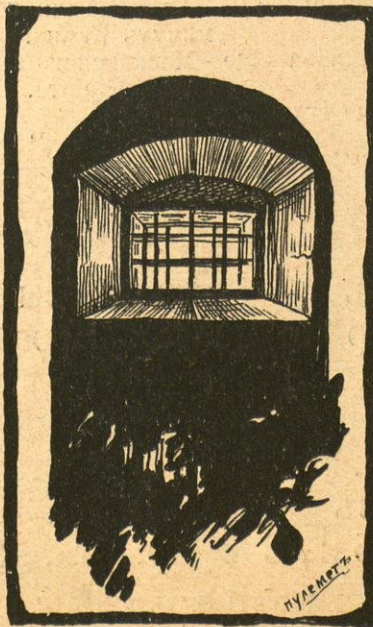

Газбери тутъ, кто кого подпираетъ...

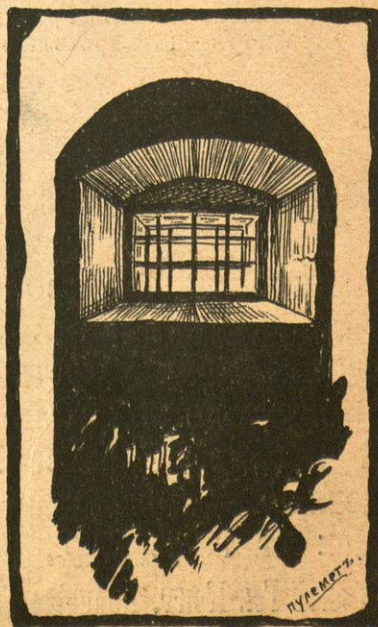
ВЛАСТЬ: Что это, братецъ?
БЛЮСТИТЕЛЬ: Такъ что, ваше скородіе, лѣдастера споймалъ. Гляжу это, перо въ чернило макаетъ и крамолу пушаетъ. Я его за шиворотъ и приволокъ къ вашему скородію.
ВЛАСТЬ: Экій ты болванъ! Очень мнѣ нуженъ твой редакторъ! Взялъ-бы съ него десять тысячъ залогу и принесть... Эхъ, учить васъ надо!..

Въ началѣ
1905 года.

Старый режимъ.

Въ началѣ
1906 года.

Новый режимъ.